

Андрей А. Арсеньев

Приёмник душ

Андрей Арсеньев

Приёмник душ

<https://litres.ru/74371393>

SelfPub; 2026

Аннотация

После похорон дедушки Артём начинает замечать, что реальность вокруг него трещит по швам. Он находит среди вещей деда старый радиоприёмник, который начинает транслировать нечто большее, чем просто помехи...

Приёмник становится порталом в мир, где каждый шорох может оказаться предсмертным хрипом, а каждый голос — криком о помощи из загробного мира.

Границы между сном и явью стираются. Артём видит то, чего не видят другие. Слышит то, что не предназначено для чужих ушей. И с каждым днём его разум всё ближе к пропасти безумия.

Готовы ли вы услышать то, что не предназначено для ваших ушей? Готовы ли увидеть то, что прячется за гранью реальности? Эта история заставит вас усомниться в собственном рассудке.

После прочтения вы никогда не будете уверены, что происходящее вокруг — действительно реальность.

Содержание

1	4
2	12
3	20
4	27
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Арсеньев

Приёмник душ

1

В Осиновке осень всегда приходила не как время года, а как приговор. Она не кралась по крышам и не шептала в уши — она входила тяжёлыми сапогами, оставляя за собой сырость, запах прелой листвы и ту самую тишину, которая давит на виски, будто кто-то положил сверху ладонь и не убирает.

Двадцатилетний Артём стоял у края могилы и чувствовал, как земля под ногами будто не держит — она не отталкивает, не даёт опоры, а, наоборот, тянет вниз, словно хочет забрать и его тоже. Рядом, плечом к плечу, стояли люди, которых он знал всю жизнь: тётя Зина, у которой в глазах застыла та особая деревенская жалость — не добрая, а вымученная, будто ей самой от неё больно; дядя Лёша, который всё время потирал ладони, будто пытался согреть их, хотя день был не по-осеннему тёплый; бабка Марфа, чьи губы шевелились в беззвучной молитве — или, может, в проклятии, кто её знает. Они перешёптывались, кивали, смотрели на Артёма так, будто он уже наполовину ушёл вслед за дедом — будто смерть деда Ивана каким-то образом начала разъедать и его,

по миллиметру.

Дед Иван лежал в гробу — спокойный, будто просто уснул в своём любимом кресле, но Артём-то знал: дед никогда не спал спокойно. Даже во сне он будто продолжал работать — хмурился, шевелил пальцами, будто крутил невидимые гайки, чинил невидимую технику. А теперь он лежал неподвижно, и эта неподвижность была самой страшной вещью на свете. Она означала, что всё кончено. Что больше не будет ни ворчания, ни советов, ни запаха машинного масла и табака, который всегда шёл от дедовой телогрейки.

Отец, Сергей, положил руку Артёму на плечо — тяжело, как будто пытался удержать не только сына, но и сам мир, который в этот день казался особенно шатким, будто стоял на гнилых досках.

— Он прожил достойно, — тихо сказал отец, и в этих словах было столько усталости, что они прозвучали не как утешение, а как признание поражения.

Артём кивнул. Он кивал, потому что не знал, что ещё делать. Слова казались чужими, неуклюжими, будто язык вдруг стал слишком большим для рта, а мысли — слишком тяжёлыми, чтобы их произносить. Ему хотелось сказать: «Я не готов. Я не хочу, чтобы он уходил». Но он не сказал. В Осиновке не принято было кричать о боли. Здесь боль прятали под старыми пальто, запирали в сараях вместе с ненужными вещами, оставляли ржаветь до тех пор, пока она не становилась частью пейзажа — такой же привычной, как по-

косившийся забор или дырявая крыша.

Пастырь, отец Николай, читал молитву — негромко, размеренно, будто старался не потревожить тишину, которая и так была натянута до предела. Ветер шевелил сухие стебли полыни у ограды, и этот шорох звучал как чей-то осторожный шёпот — будто кто-то повторял слова молитвы вслед за батюшкой, но на другом языке, на языке, который Артём не понимал, но от которого по спине бежали мурашки. Где-то далеко, за лесом, прогудел поезд — короткий, резкий звук, который всегда напоминал Артёму, что где-то есть другая жизнь, большая, шумная, не такая одинокая, как здесь. Но сейчас этот гудок прозвучал не как обещание, а как насмешка: «Ты останешься здесь. Ты никуда не уйдёшь».

Когда всё закончилось, люди стали расходиться, переговариваясь вполголоса, бросая на Артёма короткие взгляды — смесь жалости и неловкости, будто он стал чем-то заразным, чем-то, к чему страшно прикасаться. Кто-то похлопал его по спине, кто-то пробормотал: «Держись, сынок», — и эти слова звучали не как поддержка, а как инструкция: «Не разваливайся. Не кричи. Держись». Артём остался стоять у могилы, пока земля не стала просто землёй — не укрытием для деда, а просто частью поля, где скоро вырастет трава, а потом её скосят, и никто уже не вспомнит, что здесь кого-то хоронили.

Комната деда Ивана пахла старым деревом, пылью и тем особенным запахом, который бывает только в деревенских

домах, простоявших полвека: смесью сухих трав, краски, которая давно облупилась, и чего-то ещё — чего-то, что Артём не мог назвать, но что всегда ассоциировалось у него с детством. Этот запах был как голос, который шепчет: «Ты помнишь. Ты был здесь. Ты не один». Но сегодня даже он звучал фальшиво, будто дом тоже знал, что дед ушёл, и теперь притворялся, что ничего не изменилось. В комнате всё оставалось на своих местах: потрёпанное кресло, в котором дед всегда сидел по вечерам, старый журнальный столик с царапинами от чашек, полка с книгами, которые никто не читал уже много лет. На стене висели часы — «ходики» с кукушкой, которую дед давно снял, потому что она раздражала своим скрипучим голосом. Стрелки застыли на 11:47. Дед перестал заводить их неделю назад, и теперь они будто охраняли тот момент, когда всё начало рушиться. Артём смотрел на эти часы и думал: «Если бы я тогда пришёл. Если бы я остался. Если бы я просто поговорил с ним...» Но эти «если бы» были пустыми, как воздух в заброшенной комнате. Они ничего не меняли.

Сергей ходил по комнатам, что-то бормоча себе под нос, составляя списки: «Надо разобрать сарай... там столько хлама накопилось...» В его голосе не было злости — только усталость, будто сама необходимость что-то делать, принимать решения, была для него невыносимой тяжестью. Артём не хотел ничего разбирать. Ему хотелось, чтобы всё осталось как есть, чтобы дом продолжал дышать тем же воздухом, ко-

торым дышал дед. Но он знал, что это невозможно. Время не останавливалось даже в таких домах. Оно шло вперёд, перемалывая воспоминания, превращая их в пыль.

— Сходи в сарай, — сказал Сергей, заглядывая в комнату, где Артём стоял, не зная, куда себя деть. — Там столько всякого добра... Может, найдёшь что-то на память. Что-то, что тебе дорого.

Артём снова кивнул. Сарай был местом, которое он помнил хорошо — тёмным, пахнущим маслом и металлом, местом, где дед проводил часы, копаясь в старых вещах, собирая что-то, что никогда не работало так, как должно. В детстве Артём боялся этого сарая — не из-за пауков и не из-за старых инструментов, а из-за того, что там дед становился другим. Он замолкал. Он переставал быть дедом, который ворчит и даёт советы, и становился человеком, который слушает что-то, чего никто другой не слышит. Иногда Артём заставлял его стоящим посреди сарая, с закрытыми глазами, будто он прислушивался к тишине, пытаясь разобрать в ней какой-то скрытый смысл.

Сарай встретил его полумраком и запахом ржавчины. Пыль висела в воздухе, как тонкая вуаль, и каждый шаг поднимал её, заставляя оседать на коже, на одежде, в лёгких. Здесь было тесно от коробок, старых велосипедов, сломанных инструментов и вещей, которые когда-то казались важными, а теперь стали просто мусором — тем, что жалко выбросить, но и использовать уже нельзя. Артём медленно хо-

дил между рядами, касаясь пальцами коробок, будто пытаюсь почувствовать не вещи, а воспоминания. Он вспоминал, как дед учил его держать гаечный ключ, как объяснял, что каждая деталь имеет своё место, и, если ты не знаешь этого места, значит, ты не знаешь, как устроен мир. И теперь этот мир казался ему огромным, сломанным механизмом, в котором он не мог найти ни одной нужной детали.

И тогда он увидел его. Старый коротковолновый приёмник стоял на полке, наполовину скрытый под стопкой пожелтевших газет и старых журналов «Радиолобитель». Он был массивным, с поцарапанным корпусом и циферблатом, на котором почти стёрлись деления. Ручки настройки выглядели так, будто их крутили тысячи раз, пытаясь поймать что-то важное — не новости и не музыку, а что-то, что могло объяснить, почему мир устроен именно так, а не иначе. Артём взял приёмник в руки. Он был тяжелее, чем казался, будто внутри него было не только железо и провода, но и что-то ещё — что-то, что тянуло вниз, будто приёмник был не просто вещью, а якорем, который удерживал что-то в этом мире. Он покрутил ручку настройки, просто чтобы услышать знакомый треск эфира, тот звук, который дед так любил. Треск был живым, почти человеческим — как шёпот, который пытается прорваться сквозь помехи, как голос, который хочет что-то сказать, но не может подобрать слова. И вдруг среди треска прозвучало имя:

— Артём...

Он замер, рука застыла на ручке. В гараже было тихо, только пыль продолжала медленно оседать, будто время на секунду остановилось, чтобы дать ему возможность осознать, что только что произошло.

— Артём... ты слышишь меня?

Голос был тихим, едва различимым, но он был. И он звучал не извне — он звучал будто изнутри самого приёмника, будто кто-то говорил прямо в ухо, так близко, что Артём почти чувствовал чужое дыхание. Артём огляделся, будто ожидая увидеть кого-то в углу, но в сарае никого не было. Только коробки, старые вещи и тишина, которая теперь казалась не пустой, а наполненной чем-то чужим — чем-то, что пряталось в тених и ждало, когда кто-нибудь повернёт ручку настройки. Он снова покрутил ручку, пытаясь найти источник звука, но эфир был полон помех, шёпота и обрывков фраз, которые не складывались в слова. Он слышал обрывки чьих-то разговоров, чей-то смех, чей-то плач — и всё это смешивалось в один бесконечный гул, который будто пытался прорваться в его сознание.

— Не трогай, — прошептал голос, и на этот раз он был чуть громче. — Не трогай это.

Артём отдернул руку, будто обжёгся. Приёмник стоял перед ним, тёмный и неподвижный, но Артёму казалось, что он смотрит на него. Что он ждёт. Что он знает что-то, чего не должен знать ни один предмет.

Он хотел поставить его обратно, забыть, что нашёл, но

что-то внутри не давало этого сделать. Что-то шептало: «Возьми его. Он нужен тебе». И это «что-то» звучало не как мысль, а как приказ — тихий, настойчивый, будто произнесённый не его собственным разумом, а кем-то другим, кто теперь жил внутри него. И он взял. Не потому что хотел, а потому что не мог оставить его там, в темноте, среди старых вещей, которые больше никому не были нужны.

Когда он вышел из сарая, отец стоял у двери, глядя на него с усталой улыбкой.

— Нашёл что-то? — спросил он.

Артём посмотрел на приёмник в своих руках, потом на отца, и вдруг понял, что не может рассказать. Не сейчас. Может, вообще никогда. Потому что если он расскажет, отец посмотрит на него так же, как смотрели все остальные — с жалостью и неловкостью, будто он начал сходить с ума от горя. А он не сходил с ума. Он просто услышал то, что никто другой не должен был слышать.

— Да, — сказал он. — Что-то на память.

Сергей кивнул, будто это всё объясняло. Но Артём знал, что ничего не объясняло. Он знал, что только что взял с собой не просто старую вещь. Он взял с собой что-то, что ждало своего часа. Что-то, что теперь будет ждать его. И в тот вечер, когда дом погрузился в тишину, Артём вошёл в комнату деда, сел в его кресле, поставил приёмник на столик и снова повернул ручку настройки. Эфир ответил шёпотом. И на этот раз шёпот был обращён прямо к нему.

Ночь в Осиновке не была просто отсутствием света. Она была чем-то живым, плотным, будто сотканным из чужих страхов и старых секретов. Она ложилась на деревню, как тяжёлое одеяло, и под ним становилось трудно дышать. Артём сидел в дедовом кресле, приёмник стоял на столике перед ним, тускло поблёскивая в свете одинокой лампочки под потолком — той самой, что вечно мигала, будто пыталась что-то сказать, но не могла подобрать слов. Он снова крутил ручку настройки, и эфир отзывался треском, шипением, обрывками музыки, далёкими голосами, которые сливались в неразборчивый гул. Но Артём ждал. Он сам не знал, чего ждёт, но внутри него росло странное, липкое чувство — будто что-то должно произойти. Что-то, что уже началось, но он пока не понимал, во что это выльется.

И вдруг среди помех прорезался голос. Это был голос тёти Люды — соседки, жены дяди Гены. Артём сразу его узнал: хриловатый, с той самой интонацией, которую она использовала, когда злилась по-настоящему, не для вида, а так, что даже дядя Гена замолкал и отводил глаза.

— Ты опять нализался! — крикнула она, и голос прозвучал так чётко, будто она стояла в двух шагах от Артёма, в этой самой комнате, и смотрела на него с той же злостью, с какой смотрела на мужа. — Опять деньги пропил! Да что ты

за человек такой?!

Артём замер, пальцы впились в корпус приёмника, будто он пытался удержать не только вещь, а саму реальность, чтобы она не рассыпалась. Он оглянулся, будто ожидая увидеть кого-то в углу, но в комнате никого не было. Только тени, которые казались чуть плотнее, чем должны были быть. А потом заговорил дядя Гена. Его голос был низким, тягучим, будто слова давались ему с трудом, как будто он сам не верил в то, что говорит.

— Заткнись, — пробормотал он. — Просто заткнись. Ты всё портишь. Ты всегда всё портишь.

— Я порчу?! — голос тёти Люды поднялся, стал визгливым, отчаянным. — Да это ты... Ты всю жизнь мне испортил! Я хотела в город уехать, я хотела...

Она не договорила. Вместо её слов раздался звук — короткий, глухой, будто что-то тяжёлое упало на пол. И тишина. Та самая тишина, которая страшнее любого крика. Артём почувствовал, как по спине пробежал холод, будто кто-то провёл по ней ледяной ладонью. Он снова покрутил ручку, пытаясь поймать момент, понять, что происходит, но эфир будто издевался над ним: снова был только треск, шёпот, обрывки фраз на незнакомом языке, музыка, которая звучала так, будто её играли на сломанном пианино.

— Нет, — прошептал Артём, будто пытался убедить самого себя. — Это не может быть... Это просто помехи. Просто совпадение.

Но он знал, что это не совпадение. Он знал голоса своих соседей. Он слышал, как они ссорились сотни раз, видел, как дядя Гена сжимал кулаки, как тётя Люда отворачивалась, чтобы он не видел её слёз. Но он никогда не слышал этого глухого звука. И этой тишины. Он просидел так ещё долго, слушая, как эфир дышит, шепчет, смеётся, плачет — будто весь мир говорил одновременно, и никто не слушал. А потом он выключил приёмник, и тишина в комнате стала ещё тяжелее, будто приёмник забирал с собой часть этого ужаса, а теперь оставлял Артёма один на один с тем, что он услышал.

Утро в Осиновке было серым, мокрым, будто небо плакало по чему-то, чего ещё не успели заметить люди. Артём вышел из дома, чувствуя, как холод пробирается под куртку, как земля под ногами кажется чужой, будто он шёл не по родной деревне, а по какому-то другому месту, где всё было немного не так.

Дом дяди Гены и тёти Люды стоял в конце деревни, чуть в стороне от остальных, будто сам хотел держаться подальше от людей. Он был старым, покосившимся, с облупившейся краской и окнами, которые смотрели на мир с той особой усталостью, какая бывает у домов, видевших слишком много. Артём подошёл к калитке, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, будто хотело вырваться наружу. Он постучал, и звук показался ему слишком громким, будто он кричал в тишине, которую никто не хотел нарушать.

Дядя Гена открыл дверь. Он выглядел так, будто не спал всю ночь: лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, а взгляд был каким-то стеклянным, будто он смотрел не на Артёма, а сквозь него.

— Чего надо? — спросил он, и голос его звучал хрипло, будто он долго кричал или, наоборот, долго молчал.

Артём хотел сказать что-то, придумать какую-то причину, но слова застряли в горле. Он смотрел на дядю Гену и видел в его глазах что-то такое, от чего хотелось развернуться и убежать.

— Я... — начал он, но голос подвёл его, прозвучал жалко, неуверенно. — Я просто... хотел узнать, как у вас дела. Как тётя Люда...

Дядя Гена нахмурился, будто эти слова были ему неприятны, будто они царапали его изнутри.

— Чего это вдруг? — спросил он, и в его голосе прозвучала та самая злость, которую Артём слышал ночью по приёмнику. — Раньше не интересовался, а теперь вдруг...

— Просто... — Артём сжал кулаки, пытаясь собраться. — Просто я волновался.

— Волновался, значит, — дядя Гена хмыкнул, и этот звук был таким же пустым, как его взгляд. — Ну, не надо. У нас всё в порядке. Тётя Люда уехала к сестре. В город. Так что не переживай.

Артём смотрел на него и чувствовал, как внутри всё сжимается. Он знал, что дядя Гена лжёт. Он знал это так же точ-

но, как знал, что солнце встаёт на востоке.

— К сестре? — переспросил он, и сам удивился, как спокойно прозвучал его голос, будто он говорил о чём-то обыденном, а не о том, что могло быть самым страшным в его жизни.

— Ага, — кивнул дядя Гена, но глаза его забегали, будто искали, за что зацепиться, чтобы не смотреть на Артёма. — Вчера уехала. Сказала, что ей надо отдохнуть. От меня, видимо.

Он попытался усмехнуться, но улыбка вышла кривой, жалкой, будто маска, которая сползала с лица.

— Понятно, — сказал Артём, и сам не понял, зачем он это сказал. Будто хотел дать дяде Гене возможность убедиться, что он ему поверил.

— Ну, вот и ладно, — дядя Гена уже хотел закрыть дверь, но остановился, будто что-то вспомнил. — И не ходи тут больше, ладно? Не надо. У нас свои дела, у тебя свои.

Дверь закрылась с тихим щелчком, который прозвучал как выстрел. Артём остался стоять у калитки, чувствуя, как холодный ветер пробирается под одежду, как земля под ногами будто уходит из-под ног. Он не пошёл домой. Вместо этого он свернул в сторону огорода, который тянулся вдоль забора дяди Гены, и пошёл по тропинке, которая была протоптана годами, но теперь казалась ему чужой, будто она вела не туда, куда он хотел, а туда, куда его тянуло что-то другое.

Огород был запущенным, заросшим бурьяном, который

цеплялся за ноги, словно хотел удержать его, не дать подойти ближе. Артём шёл, стараясь не шуметь, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди, как будто сердце пыталось предупредить его: «Не надо. Остановись. Ты не хочешь этого видеть». Он добрался до угла дома, где окно кухни выходило на огород, и осторожно заглянул. Внутри было темно, но Артём разглядел фигуру дяди Гены. Он стоял посреди комнаты, склонившись над чем-то, что лежало на полу. Что-то длинное, тёмное, завернутое в ковёр. Артём замер, чувствуя, как кровь стучит в висках, как воздух становится густым, тяжёлым, будто его было невозможно вдохнуть.

Дядя Гена поднял ковёр, казалось, тот был легче, чем должен был быть, и потащил его к двери, которая вела в погреб. Артём видел, как он остановился на секунду, словно прислушиваясь, будто проверяя, не слышит ли кто-то его шагов. А потом он открыл дверь и сбросил ковёр вниз. Звук был глухим, тяжёлым, точно что-то большое ударилось о землю. Артём отшатнулся, прижался к стене, чувствуя, как холодный кирпич впивается в спину, как мир вокруг него начинает кружиться, словно он стоял на краю пропасти, и земля уходила из-под ног.

Он не помнил, как добежал до дома, как вытащил из кармана телефон, как набрал номер полиции. Он помнил только, как голос в трубке звучал спокойно, буднично, будто ничего страшного не происходило, будто убийства в Осиновке были обычным делом.

— Полиция, слушаю вас, — сказал голос, и Артём вдруг понял, что не знает, что сказать. Слова снова застряли в горле, точно их кто-то держал, не давал вырваться наружу.

— Там... — начал он, и голос дрогнул, выдал его страх. — Там дядя Гена... Он... Он убил тётю Люду. Я видел. Он сбросил её в погреб.

На другом конце провода повисла тишина, будто голос пытался понять, не шутка ли это, не бред ли человека, который не справился с горем.

— Повторите, пожалуйста, — сказал голос, и в нём прозвучало что-то новое — не спокойствие, а настороженность.

Артём повторил, на этот раз громче, твёрже, словно пытался убедить не только оператора, но и самого себя, что он не сходит с ума, что он действительно видел то, что видел.

— Адрес? — спросил голос, и Артём назвал его, чувствуя, как внутри что-то обрывается, что он пересёк черту, после которой ничего уже не будет как прежде.

Когда полицейские приехали, Артём стоял у дома, чувствуя, как дрожь пробирает его до костей, как будто холод проник не только в тело, а в самую душу. Он смотрел, как они заходят в дом, как открывают дверь в погреб, как вытаскивают ковёр, который теперь казался не просто вещью, а чем-то страшным, чем-то, что хранило в себе смерть. Дядю Гену вывели в наручниках. Он шёл, опустив голову, словно хотел спрятаться от всего мира, будто надеялся, что если он не будет смотреть, то всё исчезнет, растворится, как плохой

сон.

Но оно не исчезало. Оно оставалось здесь, в Осиновке, в этом сером, мокром дне, в воздухе, который теперь пах не только дождём, а чем-то ещё — чем-то тяжёлым, горьким, будто сама деревня оплакивала то, что произошло. Один из полицейских подошёл к Артёму, посмотрел на него внимательно, точно пытался понять, что творится у него в голове.

— Как ты узнал? — спросил он, и в его голосе не было ни осуждения, ни насмешки — только усталость и какое-то странное уважение, будто он понимал, что Артём увидел что-то, чего не должен был видеть.

Артём хотел рассказать про приёмник, про голоса, про то, как он слышал скандал, как видел, как дядя Гена прятал тело. Но слова снова застряли в горле. Он посмотрел на полицейского, потом на дом, потом на небо, которое становилось всё темнее, будто собиралось пролиться дождём, который смоем всё, но ничего не смоем.

— Просто... — прошептал он, и голос его прозвучал чужим, словно говорил кто-то другой. — Просто я знал.

Полицейский кивнул, как будто этого было достаточно. Но Артём знал, что этого недостаточно. Он знал, что самое страшное ещё впереди. Потому что приёмник всё ещё стоял в дедовой комнате. И он знал, что ночью, когда деревня уснёт, он снова услышит шёпот. И на этот раз шёпот будет говорить с ним.

Ночь в Осиновке тянулась, как старая, пересохшая верёвка, готовая лопнуть от малейшего натяжения. Артём не спал. Он лежал на дедовой кровати, натянув одеяло до самого подбородка, будто оно могло защитить его от того, что жило теперь в темноте комнаты. Но темнота была не просто отсутствием света — она была плотной, вязкой, будто в ней шевелились тени, складываясь в лица, которые он не хотел узнавать.

Его трясло.

Не от холода — от ужаса, который проникал под кожу и там сворачивался в тугой, ледяной комок. Он вспоминал глухой звук, с которым ковёр упал в погреб. Он вспоминал глаза дяди Гены — пустые, будто из них вынули всё человеческое. И он вспоминал голос из приёмника — тот самый, который шептал его имя, будто знал его лучше, чем он сам себя знал. Артём пытался убедить себя, что это совпадение. Что он слышал обычный бытовой скандал, а остальное дорисовало его воображение, искалеченное горем по деду и этой проклятой деревней, где тишина давит сильнее крика. Но он видел, как дядя Гена сбросил ковёр в погреб. Видел своими глазами. А значит, приёмник говорил правду. А если он говорил правду... то, что ещё он мог сказать? Что ещё он мог показать?

Под утро, когда небо начало сереть, будто кто-то протёр грязное окно, Артём поднялся. Его движения были резкими, дёрганными, будто тело не слушалось его, а действовало по чьей-то чужой воле. Он подошёл к приёмнику, который стоял на столике, и посмотрел на него так, будто это была не вещь, а живое существо, притворившееся мёртвым.

— Я не хочу этого, — прошептал он, и собственный голос прозвучал жалко, по-детски, будто он умолял не вещь, а саму судьбу. — Я ничего не хочу знать.

Он схватил приёмник. Тот был тяжёлым, словно внутри него лежало не железо, а сама тяжесть того, что он успел слышать. Артём вышел из дома, не надевая куртки, не думая о том, что соседи могут увидеть его — растрепанного, с безумным взглядом, сжимающего старый радиоприёмник, как утопающий сжимает обломок доски.

Лес встретил его сыростью и запахом прелой хвои. Здесь было тихо, но эта тишина не успокаивала — она была насторожённой, будто деревья прислушивались к каждому его шагу. Артём шёл, пока не оказался в самой глуши, где тропинки давно заросли, а корни деревьев выпирали из земли, словно кости давно умершего зверя. Он остановился, поставил приёмник на землю и посмотрел на него. В этот момент ему показалось, что стрелка на циферблате дрогнула — будто приёмник вздохнул. Артём отшатнулся, а потом, стиснув зубы, поднял камень. Он бил снова и снова, пока стекло не треснуло, пока корпус не пошёл трещинами, пока внутрен-

ности не вывалились наружу, как кишки из распоротого живота. Металл звенел, осколки разлетались, и каждый удар отзывался в груди Артёма облегчением — будто он убивал не вещь, а свой страх.

Когда приёмник превратился в груды искорёженного металла, Артём начал копать. Земля была сырой, холодной, она липла к рукам, будто не хотела принимать то, что он ей приносил. Он зарыл обломки глубоко, забросал их листьями и ветками, а сверху положил тяжёлые камни — чтобы ничто не могло выбраться наружу.

— Всё, — прошептал он, вытирая грязные руки о штаны. — Всё кончено.

Но когда он повернулся, чтобы уйти, ему показалось, что в кустах что-то шевельнулось. Он замер, вглядываясь в полумрак, но там была только тень — или ему так хотелось думать. До дома он шёл быстро, почти бежал, а когда вошёл, отец посмотрел на него с тревогой.

— Ты чего такой? — спросил Сергей, хмурясь. — Весь грязный, руки в земле... Ты где был?

— В лесу, — коротко ответил Артём, не глядя на отца. — Просто... гулял.

Сергей хотел что-то сказать, но передумал. В Осиновке не принято было лезть в душу родных и любимых людей, особенно когда человек явно не хотел, чтобы туда лезли.

Весь день Артём старался не оставаться один. Он помогал отцу чинить забор, носил дрова, делал всё, лишь бы руки

были заняты, а мысли не успевали догнать его. Но страх не уходил. Он сидел где-то под рёбрами, холодный и острый, и время от времени царапал изнутри. К вечеру усталость навалилась на него, как мокрое одеяло.

Он поднялся в свою комнату, ожидая, что там будет пусто и спокойно. Но когда он открыл дверь, его будто ударили в грудь. Приёмник стоял на столе. Целый. Чистый. Будто его только что достали из коробки. Стрелка на циферблате была ровно на отметке, которую Артём никогда не выставлял. И самое страшное — он был тёплым. Не просто комнатной температуры, а будто его только что держали в руках. Артём стоял в дверях, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Ему хотелось закричать, но горло перехватило, и крик застрял где-то внутри, превратившись в тихий, отчаянный стон.

— Этого не может быть, — прошептал он, делая шаг вперёд, будто надеялся, что если подойдёт ближе, то увидит, что это неправда.

Что это просто тень, игра света, обман зрения. Но это не было тенью. Это был приёмник. Тот самый. С теми же царапинами, с тем же потёртым циферблатом. Артём протянул руку и коснулся его. Металл был тёплым, почти горячим, будто внутри него что-то работало. В этот момент приёмник щёлкнул. Тихо, буднично, будто просто включался. И из динамика полился треск — тот самый живой, почти человеческий треск, который Артём уже ненавидел. А потом сквозь

помехи прорвался голос.

— Ты думал, что сможешь избавиться от меня? — прошептал приёмник, и в нём не было злости — только усталое, почти сочувственное удивление, будто кто-то смотрел на ребёнка, который пытался спрятать страшный секрет под подушку. — Но я не вещь, Артём. Я — то, что ты слышишь. А ты всегда будешь слышать.

Артём отшатнулся, ударился спиной о дверной косяк. Его трясло, зубы стучали, и он чувствовал, как разум начинает скользить, как подошва на мокрой глине.

— Нет, — прошептал он, закрывая уши руками, но голос звучал не снаружи — он звучал внутри головы, будто приёмник нашёл дорогу не через уши, а напрямую в сознание. — Нет, я ничего не слышу. Я ничего не знаю.

Но приёмник продолжал шептать. Теперь это были не слова, а обрывки мыслей — тех самых, которые Артём пытался спрятать даже от самого себя: «Дед умер, и это твоя вина — последние годы ты с ним не проводил с ним время, хотя он жил в соседней комнате», «Дядя Гена убил тётю Люду, а ты просто смотрел», «Ты следующий, Артём. Ты всегда был следующим».

Он бросился к приёмнику, хотел снова разбить его, закопать, сжечь — сделать хоть что-нибудь, чтобы это прекратилось. Но когда его пальцы коснулись корпуса, он почувствовал, как по рукам пробежал ток — не электрический, а какой-то другой, будто сама вещь пыталась проникнуть в него.

И тогда Артём закричал. Это был не громкий, гордый крик — это был тихий, задушенный вопль человека, который понял, что его разум больше не принадлежит ему. Из коридора раздался голос отца:

— Артём! Что там?!

Дверь распахнулась, Сергей вбежал в комнату и замер, глядя на сына, который стоял посреди комнаты, трясущийся, с безумными глазами, и на приёмник, который мирно стоял на столе, тихо потрескивая, будто ничего не произошло.

— Он... — Артём задыхался, слова не складывались в предложения. — Он был в лесу. Я разбил его. Я закопал. А он... он здесь.

Сергей подошёл к приёмнику, осторожно коснулся его, будто боялся, что тот укусит.

— Обычный старый приёмник, — сказал он, и в его голосе прозвучала не насмешка, а тревога — та самая, которая появляется, когда близкий человек начинает видеть то, чего нет. — Наверное, ты просто... перенервничал. После деда, после похорон...

— Я не сумасшедший! — выкрикнул Артём, и этот крик прозвучал как плач. — Я видел! Я слышал! Отец посмотрел на него долго, внимательно, будто пытался разглядеть в нём того мальчика, которого он знал, а не этого чужого, испуганного человека.

— Ладно, — тихо сказал он. — Ладно. Давай я его уберу. Отнесу в сарай. Пусть полежит там.

Он взял приёмник, и Артём на секунду почувствовал облегчение — будто с этим движением отец забрал часть ужаса с собой. Но когда Сергей вышел, Артём остался стоять посреди комнаты, чувствуя, как тишина давит на уши. И в этой тишине он вдруг услышал шёпот — не из приёмника, а из самой темноты.

— Я всегда буду здесь, Артём, — прошептал голос. — Даже если ты не будешь меня слушать. Даже если ты закроешь уши. Я — это то, что ты помнишь. А ты забыл слишком многое, но я помогу тебе вспомнить всё. Вспомнить кто ты на самом деле.

Артём сел на кровать, обхватил голову руками и начал раскачиваться, пытаясь заглушить этот шёпот, пытаясь убедить себя, что он сходит с ума. Но хуже всего было то, что где-то в глубине души он понимал: он не сходит с ума. Он просто начал слышать то, что все остальные старательно не слышали.

Ночь в Осиновке не просто наступала — она напознала, как густая, маслянистая жижа, которая пропитывает всё: стены, воздух, кожу. Артём не спал. Он и не пытался. После того как отец унёс приёмник в сарай, Артём лежал на дедовой кровати, натянув одеяло до самого носа, и слушал. Слушал тишину, которая теперь казалась ему громче любого крика. Потому что в этой тишине он ждал. Ждал, что сейчас из темноты раздастся тот самый шёпот: «Я всегда буду здесь».

И он пришёл. Не из приёмника — приёмник был в сарае. Он пришёл изнутри. Сначала Артёму приснился дядя Гена. Но это был не тот дядя Гена, которого он знал — хмурый, вечно недовольный, с тяжёлой походкой и взглядом, в котором застыла какая-то глухая обида на весь мир. В этом сне дядя Гена был гладким, будто отполированным, и улыбался. Улыбка была широкой, неестественно широкой, как у куклы, у которой треснула краска на лице. Он стоял посреди комнаты и говорил голосом, который звучал сразу отовсюду, будто стены шептали за него:

— Ты же знал, что так будет, Артём. Ты же слышал. Почему не остановил?

Артём хотел закричать, хотел сказать, что он не мог, что он просто стоял и смотрел, как ковёр падает в погреб, и не мог пошевелиться, потому что его парализовал ужас. Но во

сне у него не было голоса. Он открывал рот, а оттуда не выходило ни звука, только тёмная, вязкая тишина.

А потом появился дед Иван. Дед стоял в углу комнаты, там, где тени были самыми густыми, и смотрел на Артёма. Но это был уже не дед. Лицо было знакомым, но кожа на нём висела складками, как старая, прогнившая ткань. От него пахло сырой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — чем-то сладковатым и тошнотворным, запахом, который въедается в ноздри и остаётся там навсегда. Это был запах тления.

— Прости, — прошептал дед, и его губы двигались не в такт словам, будто кто-то другой говорил за него. — Я не смог тебя уберечь.

Он протянул руку, и Артём увидел, как с пальцев осыпается сухая, серая пыль. Рука была холодной, ледяной, будто дед пришёл из самой глубины земли, из могилы, где земля ещё не успела согреться после похорон. Артём отшатнулся, хотел вскочить, убежать, спрятаться, но ноги его не слушались. Они словно приросли к кровати, к матрасу, который теперь казался не мягким, а липким, влажным, как будто его пропитали чем-то тёмным.

— Не бойся, — сказал дед, и в его голосе не было ни тепла, ни утешения, только бесконечная, выжженная усталость. — Это только начало.

И тогда дед шагнул вперёд. Его шаги не издавали ни звука, будто он шёл не по полу, а по воздуху, по самой темноте. Он

приближался, и запах становился сильнее, гуще, он заполнял лёгкие Артёма, заставляя его задыхаться.

— Прими это, — прошептал дед. — Прими то, что ты слышишь. Иначе оно съест тебя изнутри.

Артём закричал. Он кричал долго, отчаянно, пока не сорвал голос, пока в горле не стало сухо и больно, как будто он проглотил осколки стекла. Когда он проснулся, в комнате было темно. Но эта темнота была не пустой — она была наполнена чем-то, чем-то, что шевелилось в углах, складываясь в знакомые и чужие лица одновременно. Артём сидел на кровати, тяжело дыша, чувствуя, как холодный пот стекает по спине, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Он не сразу понял, что кричит не только во сне. Крик вырвался наружу, в реальность, и теперь висел в воздухе, как оборванная струна.

Дверь распахнулась, и на пороге появился отец. Сергей стоял в дверном проёме, в одной рубашке, с растрёпанными волосами, и смотрел на сына так, будто видел его впервые. В его глазах была не просто тревога — в них был страх. Тот самый страх, который появляется, когда ты понимаешь, что с самым близким человеком происходит что-то, чего ты не можешь ни понять, ни исправить.

— Артём! — крикнул он, бросаясь к кровати. — Что с тобой?! Что случилось?!

Артём смотрел на него, пытаясь собрать слова, но они рассыпались, как сухие листья на ветру. Он хотел сказать: «Мне

приснился дед. Он был мёртвым. Он тянулся ко мне». Но вместо этого он выдал только одно слово:

— Пахнет...

Сергей нахмурился, будто не понял.

— Что пахнет? — спросил он, оглядываясь по сторонам, будто ожидая увидеть что-то, что могло бы объяснить этот крик.

— Гнилью, — прошептал Артём, и собственный голос прозвучал чужим, будто говорил кто-то другой. — От меня пахнет гнилью.

Сергей подошёл ближе, осторожно, будто боялся спугнуть сына, как дикого зверя. Он наклонился, принюхался, но в комнате пахло только старым деревом, пылью и чем-то горьким — запахом страха, который висел в воздухе, как дым.

— Здесь ничем не пахнет, — тихо сказал он, садясь на край кровати и кладя руку Артёму на плечо. Рука была тёплой, настоящей, и от этого тепла Артёму хотелось плакать. — Ты просто перенервничал. Тебе приснился кошмар.

Но Артём знал, что это не просто кошмар. Он знал, что запах был настоящим. Он чувствовал его на коже, в волосах, в лёгких. Он чувствовал, как он въедается в него, становясь частью его самого.

— Я не сумасшедший, — прошептал он, глядя отцу прямо в глаза, будто пытался передать ему эту мысль силой воли, чтобы отец наконец-то понял. — Я не схожу с ума.

Сергей смотрел на него долго, внимательно, будто пытал-

сы разглядеть в нём того юношу, которого он знал, а не этого чужого, испуганного человека, который кричал во сне и говорил о запахе тления.

— Я знаю, — тихо сказал он, и в его голосе прозвучала не уверенность, а надежда — слабая, дрожащая, как огонёк на ветру. — Я знаю. Но тебе нужно отдохнуть. Тебе нужно прийти в себя.

Он встал, подошёл к окну и распахнул его. В комнату ворвался холодный, сырой воздух, пахнувший дождём и мокрой травой. Он должен был смыть запах, но Артём знал, что этот запах не смывается. Он был внутри.

— Я убрал приёмник, — сказал Сергей, не оборачиваясь. — Он в сарае. Под замком. Никто его не тронет.

Артём кивнул, потому что не знал, что ещё делать. Но он знал, что замок не удержит то, что теперь жило внутри него. Он знал, что приёмник больше не нужен. Теперь голоса жили в его голове, и они становились всё громче.

Весь следующий день Сергей не оставлял Артёма одного. Он заставлял его есть, заставлял ходить по дому, заставлял разговаривать о пустяках — о том, как починить забор, как перебрать картошку, как подготовить дом к зиме. Он говорил и говорил, будто его слова могли заполнить ту пустоту, в которой теперь жили кошмары Артёма. Но кошмары не уходили. Они прятались за обыденными вещами, ждали своего часа. Когда Артём наклонился, чтобы поднять упавшую ложку, ему показалось, что под столом кто-то шевелится —

что-то длинное, тёмное, похожее на ковёр, в который завернули тётю Людю. Когда он смотрел в окно, ему казалось, что в отражении за его спиной стоит дед, и его лицо медленно рассыпается, превращаясь в серую пыль.

К вечеру Сергей понял, что одними разговорами тут не поможешь. Он сидел на кухне, смотрел на сына, который механически жевал кусок хлеба, не чувствуя вкуса, и понимал, что перед ним не просто уставший человек. Перед ним был человек, который видел то, чего не должен был видеть, и теперь не знал, как с этим жить.

— Завтра мы поедем в город, — тихо сказал он, будто боялся, что если скажет громче, то Артём вздрогнет и рассыплется на части. — К врачу. Просто чтобы он посмотрел, поговорил. Чтобы ты не держал это всё в себе.

Артём поднял на него глаза. В них не было злости, не было протеста — только бесконечная усталость, будто он уже прожил сто жизней, и каждая из них была наполнена кошмарами.

— Хорошо, — прошептал он. — Если ты так хочешь.

Но он знал, что врач не поможет. Он знал, что никто не поможет. Потому что проблема была не снаружи. Проблема была внутри. И она росла, ширилась, заполняя его целиком, как тёмная вода заполняет пустую бочку, пока не остаётся ни одного сухого места.

Ночью, когда дом погрузился в тишину, Артём лежал с открытыми глазами и слушал, как в темноте шепчут голоса.

Теперь они говорили не о тёте Люде и не о дяде Гене. Теперь они говорили о нём.

— Ты следующий, — шептали они. — Ты всегда был следующим.

Артём закрыл глаза и попытался представить себе что-то светлое — солнце, летний день, запах свежескошенной травы. Но вместо этого перед его глазами снова возник дед, его мёртвое лицо, его протянутая рука, и запах тления, который становился всё сильнее. И в этот момент он понял самое страшное: он не сходит с ума. Он просто начинает видеть то, что всегда было рядом. То, что все остальные старательно не замечали.

Артём сел на краю на кровати, сжимая пальцами край одеяла, и прислушивался. Не к звукам — к тому, что звучало между звуками. К той тонкой, звенящей нити, которая тянулась от его груди куда-то во двор, к сараю. Она не пела. Она не кричала. Она просто тянула. Будто кто-то очень терпеливо дёргал за невидимую леску, не сильно, но настойчиво, так, что сопротивляться становилось физически больно.

Артём встал. Ноги были ватными, будто он только что проснулся после тяжёлой болезни, но внутри него росла другая сила — холодная, упрямая, почти чужая. Она говорила: «Иди. Ты должен». Он прошёл по коридору, стараясь не скрипеть половицами, хотя знал, что отец уже ушёл в дальнюю комнату, что он там что-то не спит, думает, уверяет себя, что всё нормально. Но эта видимость трещала по швам, как старая крыша в бурю.

Дверь на улицу поддалась с тихим стоном, будто дом не хотел его выпускать. Холод ударил в лицо, как ледяная вода. Небо было низким, серым, словно его прижали к земле тяжёлым прессом. Луна пряталась за тучами, и в этой темноте даже знакомые очертания двора казались чужими, сдвинутыми на миллиметр в сторону — ровно настолько, чтобы ты понимал: что-то здесь не так.

Сарай стоял в конце участка, тёмный, угрюмый, будто

присел на корточки и ждал. Артём подошёл к двери. На ржавом крюке висел тяжёлый амбарный замок — старый, покрытый зелёной патиной, похожий на кусок окаменевшего мха. «Не надо», — прошептал голос в голове. Но это был не голос приёмника. Это был его собственный здравый смысл, который ещё пытался сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.